

ПОЛИТИКО-ДЕЛОВОЙ ЖУРНАЛ

www.politekonomika.ru

За развал спросить не с кого

*интервью с депутатом ГД,
председателем комитета
по науке и наукоёмким
технологиям академиком
Валерием Черешневым*

стр. 18

**Разлучат ли НПЗ
со скважинами?**

стр. 14

**Перезагрузка
для пенсионеров**

стр. 24

**Импорт науки
или экспорт ученых**

стр. 30

**Две премии ученым:
мужчинам и женщинам**

стр. 38

**«Точное»
управление
не точной наукой**

стр. 42

На ошибках учатся

стр. 48

**Неспортивный
рекорд**

стр. 52

ГЛАВНАЯ ТЕМА

КАБИНЕТ ПОСЛЕ РОКИРОВКИ

**О политических и модернизационных возможностях
предстоящей реорганизации правительства**

КАБИНЕТ после рокировки

О политических и модернизационных
возможностях предстоящей
реорганизации правительства

ТЕКСТ: АЛЕКСАНДР РУБЦОВ, РУКОВОДИТЕЛЬ ЦЕНТРА ИССЛЕДОВАНИЙ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ ИНСТИТУТА ФИЛОСОФИИ РАН

Об имиджевых потерях после рокировки в тандеме не написал только ленивый, включая людей лояльных и зависимых. Особенно заметны потери в глазах критически настроенной, наиболее продвинутой и требовательной части общества. Они предугадывались, но не их масштаб. Как полагают особо смелые аналитики, например в ЦСР, такие потери могут оказаться даже «невосполнимыми», а негативный тренд в социологии власти — необратимым. Возможно ли изменение ситуации (в ту или иную сторону) в ходе формирования нового кабинета и начала работы нового правительства?

Главные потери и шансы

Наиболее пострадавшей от рокировки составляющей тандема, естественно, оказался действующий президент. В глазах общества просели прежде всего представления о его политической и организационной самостоятельности (хотя и так здравые аналитики и сограждане не могли не понимать, что в существующей

конфигурации власти она может быть только относительной). Разочарованные сторонники дальнейшего президентства Медведева явно или интуитивно полагают, что упущены следующие более или менее приемлемые для них сценарии и шансы:

► сценарий «Пролонгация»: номинальная расстановка позиций в тандеме не меняется, Медведев остается президентом, но, выйдя

на второй срок, оказывается более самостоятельным и более способным к уже вполне очевидно назревшему обновлению курса;

► сценарий «Конкуренция в объятиях»: на выборы выходят оба кандидата от тандема, Путин, естественно, побеждает, но тандем сохраняется, и Медведев пересаживается в кресло премьера — теперь уже по итогам выборов, с некоторой собственной политической базой, меньшей, чем у нынешнего премьера, но все-таки проявленной и определенной (что опять же дает ему основания для некоторой большей самостоятельности, делегированной уже непосредственно обществом, заметной его частью, а не только партнером по тандему);

► сценарий «Развод»: в результате конкуренции на выборах тандем демонтируется, и нынешний президент, проиграв заранее проигранные выборы, уходит из власти в свободную политику, собирая под собой правый фланг (а отчасти и правоцентристский) и оказываясь в той или иной мере оппозицией нынешнему курсу и режиму.

Несостоявшийся вариант дружественной конкуренции партнеров по тандему на президентских выборах теоретически выглядит захватывающим. Но именно теоретически. Действительно, если бы Путин и Медведев вдвоем вышли на президентские выборы с установкой на сохранение тандема при любом их исходе, это было бы не только политической сенсацией, но и фундаментальной новацией в сфере политтехнологий и вообще отношений в политике

Понятно, что последний вариант был бы чреват для тандема лишним или даже неприемлемым ущербом: нынешний президент совершенно не нужен президенту вновь назначаемому в роли нынешнего Касьянова (или А. Кажегельдина для Н. Назарбаева). Для самого нынешнего президента, в свою очередь, это было бы сжатием возможностей непосредственной практической работы, а возможно, и реальной политической перспективы. Поэтому прогнозы демонтажа тандема через некоторое «приличное» время после рокировки, мягко говоря, не очевидны — даже при максимальных компенсациях и синекурах. Как и прогнозы появления еще одного радикального издания сугубо «технического» премьера, тем более марионетки. У тандема все еще есть скрепы — в том числе «от противного». Насколько их хватит — вопрос другой и отдельный.

Несостоявшийся вариант дружественной конкуренции партнеров по тандему на президентских выборах теоретически выглядит захватывающим. Но именно теоретически. Действительно, если бы Путин и Медведев вдвоем вышли на президентские выборы с установкой на сохранение тандема при любом их исходе, это было бы не только политической сенсацией, но и фундаментальной новацией в сфере политтехнологий и вообще отношений в политике. Общество, страна, мир и вся история государственности могли бы получить фантастически-феерический вариант кампании, в которой оба главных конкурента не только не «топят» друг друга, но и не позволяют себе даже среднего градуса критики, выступают на

▲ Прогнозы демонтажа тандема через некоторое «приличное» время после рокировки, мягко говоря, не очевидны — даже при максимальных компенсациях и синекурах. Как и прогнозы появления еще одного радикального издания сугубо «технического» премьера, тем более марионетки. У тандема все еще есть скрепы — в том числе «от противного»

« Если, как ожидается, обновление правительства по итогам президентских выборов и смены премьера будет основательным, даже радикальным, и новый премьер будет в этом процессе достаточно самостоятелен (насколько это вообще возможно и прилично в нынешней формальной конструкции власти), такое открытие для общества может позитивно сказаться на позициях обоих участников тандема

голом конструктиве, на легкой конкуренции сугубо позитивных программ. И при этом делят не политическую судьбу, а лишь распределение мест в одной управленческой, административной упряжке. Такой вариант стал бы уникальным, незабываемым и поучительным прецедентом — образцом кампании без негатива, примером сотрудничества, увитого гирляндами искренней дружбы и небывало нарядной демократии... Если бы, конечно, такую кампанию удалось заранее основательно подготовить и предельно организованно провести, сдержав агрессию окружений и фантазии технологов, которые кроме боевых действий и закулисных маневров мало что умеют. Не говоря уже об опасности, что кто-то вклинится в зазор раздвоившегося тандема по рейтингу. Поэтому — именно «теоретически»...

Вариант, который был реализован в жизни — прямая рокировка, — главным своим негативом (по крайней мере, судя по реакции общества и бурлению прессы) имеет образ несвободы и несамостоятельности одной из составляющих тандема. Причем именно на фоне предыдущей систематической демонстрации признаков такой самостоятельности. Это сильно отразилось на президенте, но основательно срикошетило и по премьеру: роль закулисного кукловода не лучше, а именно она и была воспринята, причем во многом в утрированном виде, как нередкое для СМИ и массового сознания сенсационное упрощение реальных отношений. (С другой стороны: а чего хотели?) Парламентская предвыборная кампания этот образ не слишком скорректировала, да и не могла. Скорее наоборот: здесь были свои особые трудности и подводные камни. А вот президентская кампания, особенно если в нее прямо или

косвенно войдет этап формирования нового правительства, его команды и программы, имеет в этом плане больше возможностей. Здесь Медведев может если не вернуть позиции в общественном мнении, то, во всяком случае, что-то более или менее значительное отыграть.

Вопрос в том, будут ли эти возможности использованы, а если будут, то как. Это вопрос не только имиджевый, но и политический, даже стратегический: определяются модель

Минфин отказался согласовывать стратегию. В министерстве считают, что заложенные в документе дополнительные расходы, включая меры налогового стимулирования, слишком обременительны для бюджета. Позиция Минэкономразвития иная — финансирование инноваций должно быть приоритетным

управления, техника формирования курса и его реализации. Более того, решается, какой в ближайшее время в России будет и будет ли вообще сама мегамашина модернизации.

Карт-бланш, или Кто решает кадры

Самое «простое» и «очевидное» — формирование состава нового кабинета. Если, как ожидается, обновление правительства по итогам президентских выборов и смены премьера будет основательным, даже радикальным, и новый премьер будет в этом процессе достаточно самостоятелен (насколько это вообще возможно и прилично в нынешней *формальной* конструкции власти), такое открытие для общества может позитивно сказаться на позициях обоих участников тандема. Это несколько снизит негативное воздействие образа манипуляции, к тому же скрытой: нормальные отношения — политические, рабочие и человеческие — никогда никому не мешали и дорогого стоят даже в политике. Как и сильные шаги и широкие жесты, подчеркивающие отсутствие мелочности.

Если и когда выяснится, что новый премьер в формировании состава кабинета располагает заметно большей самостоятельностью, чем ожидалось (сценарий «контракт»), общество, естественно, будет ожидать жертв — абортирования фигур, считающихся одиозными (независимо от их реальных рабочих качеств). И такие жертвы, несомненно, состоятся (если, конечно, они не будут принесены ранее, в ходе самой президентской кампании, самим кандидатом). Если же те или иные фигуры, ставшие притчей во языцех, в силу тех или иных, в том числе деловых причин в новом кабинете останутся, новому премьеру придется объясняться с обществом. И если такие варианты удастся объяснить более или менее убедительно, это только добавит репутации и фигуранту, и самой схеме. Однако это будет не просто: нужны сильные и правильные доводы, чтобы дело не выглядело лишним доказательством ведомости. Склонность нынешнего премьера к кадровой стабильности неординарна и общеизвестна, а потому любые консервативные жесты будут восприниматься как результат теневого сдерживающего влияния.

Естественно, самый ожидаемый эффект от предстоящей ротации кабинета — его радикальное «омоложение» (не обязательно анкетное, но «по духу»). Здесь есть как минимум два связанных фактора. С одной стороны, это склонность будущего премьера к подчеркнутой, иногда демонстративной *современности* — от оргтехники до контактов, риторики и некоторых идей. Было бы странно, если бы, перемещаясь в правительство, он этот образ начал растрчивать. Скорее наоборот, кадровая ротация кабинета дает шанс этот образ поддержать, если не усилить, пригласив людей более свежей подготовки и ориентации, в этом отношении знаковых, возможно, даже достаточно критически настроенных. С другой стороны, такое «освежение» важно еще и в силу необходимости преодолевать реальную инерцию аппарата («трение покоя»), разрывать негативные, а то и просто порочные связи, противодействовать реально существующему противодействию даже тем модернизационным усилиям, которые предпринимаются (особенно в плане институциональных реформ).

Вместе с тем, несомненно, в новом кабинете потребуются столь же знаковые фигуры, способные, наоборот, обеспечить преемственность и регулярность работы — нереволуционный (в хорошем смысле этого слова) характер смены кабинета и поддерживающих аппаратов. Кроме того, интеллектуальные, креативные, аналитические и т.п. способности «молодежи» далеко не всегда сочетаются с аппаратным гением или хотя бы про-

▲ В новом кабинете потребуются столь же знаковые фигуры, способные, наоборот, обеспечить преемственность и регулярность работы — нереволуционный характер смены кабинета и поддерживающих аппаратов

сто с обычными бюрократическими навыками (что в правительстве часто бывает даже более значимо, чем в президентской администрации).

Скорее всего, было бы желательно появление в новом правительстве отдельных фигур «вообще не из обоймы», известных, но неожиданных.

В любом случае состав нового кабинета должен был бы по идее стать мощным медийным событием, причем не номинально, а именно по содержанию. Если власти здесь удастся обмануть скромные ожидания масс и по-хорошему удивить элиты, это будет полезно и для образа, и для реальной, практической оптимизации курса, насколько она вообще возможна в данном положении.

Перемещение проекта

По итогам последних четырех лет при наличествующем распределении идеологических ролей не могло не сложиться устойчивого представления о том, что главный модернизационный посыл исходит от нынешнего президента, тогда как

премьер свою политическую миссию видит более в поддержании устойчивости, стабильности ситуации и курса. На этот образ «разделения труда» работали и продолжают работать как состав и содержание наиболее употребимых идеологием, так и базовая лексика, не говоря уже о пристрастиях в проектах, начинаниях, программах, о бытовых увлечениях и пр. Не исключено, что объявленная смена позиций в тандеме несколько сблизит эти позиции. Она может подвинуть Путина на более активное внедрение модернизационной риторики в собственную политическую речь, а Медведева вынудит несколько сократить идеологизм модернизационных заявлений, придать им более приземленный, операционный, техничный характер. Тем не менее, по крайней мере в обозримой и политически актуальной перспективе, в тандеме вряд ли возможна такая же сильная трансформация идеологических ролей, как рокировка в административных позициях. В этом случае вполне может оказаться, что интегральный модернизационный образ действующей власти (и без того не самый яркий) в целом снижается, что вряд ли полезно политически и по делу, тактически и тем более стратегически. Но и полномасштабный «перехват» Владимиром Путиным модернизационной риторики так же вряд ли возможен и для тандема целесообразен, как и радикальное приземление будущего премьера, заряженного на модернизацию как

Будучи президентом, Дмитрий Медведев был в системе власти главным идеологом, энтузиастом и пропагандистом идеи модернизации, однако воплощение этот посыл получал прежде всего либо риторическое (в текстах, языке и речи), либо в отдельных проектах, которые имели, имеют и, очевидно, будут иметь скорее знаковый, символический характер, недобирающий на признание системности, достаточной регулярности и основательности преобразования инфраструктуры, среды

как прошлыми пробуксовками, так и рокировкой, объявленной в одночасье и в этом плане практически никак не подготовленной. То, как все было сделано, другого эффекта для идеи модернизации дать и не могло. При этом совершенно безотносительно к реальным настроениям и установкам власти в плане перезревшей модернизации нельзя не признать, что в общем умонастроении факт уже состоялся: считается, что идея модернизации вполне может отойти на второй план, уже отходит, а то и вовсе подрезана. Это диагноз, требующий для власти лечебных назначений и их реализации, причем уже скорее не в символической (с точки зрения политического пиара это уже «амбразура»), но прежде всего в реальных действиях и преобразованиях.

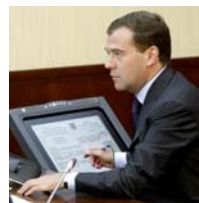
В этом плане складывается несколько парадоксальная конфигурация. Будучи президентом, Дмитрий Медведев был в системе власти главным идеологом, энтузиастом и пропагандистом идеи модернизации, однако воплощение этот посыл получал прежде всего либо риторическое (в текстах, языке и речи), либо в отдельных проектах, которые имели, имеют и, очевидно, будут иметь скорее знаковый, символический характер, недобирающий на признание системности, достаточной регулярности и основательности преобразования инфраструктуры, среды. И это по-своему понятно: таков в нашей системе президентский уровень влияния, в том числе обозначенный в конституционных функциях и полномочиях данной инстанции. Можно спорить, насколько полно такие возможности были в реальности использованы, но если рассуждать системно, нельзя не признать, что и у этих возможностей есть определенные пределы. В противном случае президент начинает вторгаться в функции правительства, работать «за него», если не подменять на тех или иных стратегически важных направлениях. И если такое еще можно было себе представить в конфигурации с сугубо «техническими» премьерами, то в модели данного тандема (каким он выглядел в последние четыре года) такое, естественно, невозможно и даже непредставимо. И наоборот: машина прави-

« В любом случае состав нового кабинета должен был бы по идее стать мощным медийным событием, причем не номинально, а именно по содержанию. Если власти здесь удастся обмануть скромные ожидания масс и по-хорошему удивить элиты, это будет полезно и для образа, и для реальной, практической оптимизации курса, насколько она вообще возможна в данном положении

минимум идеологически. Если, конечно, в будущей конфигурации власти все состоится именно так, как на данный момент предложено, складывается и обществом уже практически усвоено — безотносительно к оценкам назревающего варианта. Поэтому какие-то коррективы придется придумывать заранее. В противном случае есть опасность существенного сдвига общего образа власти в сторону консерватизма и даже застоя. Для активной части общества это станет поводом к нарастающему отдалению от данной конструкции власти, а силам инерции — сигналом к еще более агрессивному сдерживанию и без того недостаточных усилий по обновлению институтов, среды, всей системы власти и управления.

Таким образом, есть некоторые более или менее весомые основания предполагать, что тема модернизации — как идея, посыл и отголоски реальной практики — некоторым (пока еще не очень понятным) образом переместится из Кремля в Белый дом со всеми вытекающими отсюда последствиями идеологического, политического и даже административного свойства. Во всяком случае, это был бы не самый худший вариант из плохих возможных.

Трудно сказать, насколько в новой конфигурации удастся не потерять модернизационный имидж нынешней власти, и без того уже основательно подорванный

« Если бы удалось модернизационный посыл не только сохранить как идею, но и довести до несколько более операционального состояния, перевести его в плоскость непосредственной реализации, возникла бы целая серия новых возможностей как идеологического, так и, самое главное, практического свойства. Это можно было бы назвать модернизацией «на земле» и «снизу». При этом, возможно, произошла бы довольно существенная корректировка самой идеологии модернизации — ее стратегии и тактики воплощения, зон приоритетного внимания и приложения главных усилий

тельства, если ее пытаться хоть сколько-нибудь реально заточить на модернизацию, открывает многие новые, более системные возможности для старта преобразований — хотя и ограничивает при этом возможности идеологизированной риторики, символизма в целом. Более или менее правильно говорящий президент при делающем премьере — еще куда ни шло, но просто говорящий премьер — уже и вовсе карикатура.

В известном варианте могла бы быть разыграна следующая легенда: за последние годы на фоне стабилизации был идеологически подготовлен модернизационный посыл, после чего этот посыл теперь перемещается в более практическую, техничную, операциональную, системную и организационно обеспеченную зону исполнительной власти. И наоборот: функция стабилизационного «прикрытия» перемещается этажом выше. Но сама идея не потеряна.

Этот сценарий в данном случае не случайно назван легендой. Это очевидная идеологема, которую трудно реализовать на практике, но гораздо легче провозгласить или хотя бы обозначить — а потом дискредитиро-

вать недостаточностью или отсутствием результатов. Тем более что к премьерской модернизации «во плоти» и с претензиями на более или менее полную инфраструктуру и системность скорее всего будут относиться куда более требовательно и критично, чем к президентской модернизации на уровне выхода на идеологию, стратегию, на общенациональные программы, демонстрационные проекты и т.п. Проще говоря, у общества здесь уже вовсе не останется поводов для «понимания ситуации». А если учесть еще и качество парламентской кампании, организованной под партию власти...

В будущем (но уже вполне обозримом) это может создать дополнительные идеологические и имиджевые проблемы также и для президентского уровня. Если модернизация, спустившаяся на уровень премьеры, правительства и всей основной толщи «вертикали», начнет и в этом случае буксовать, в обществе, особенно в оставшейся его активной части, уже будет значительная готовность списать главные, если не все факторы торможения именно на президентский уровень. Его также легко будет обвинить в недостаточности символической, политической и просто организационной поддержки модернизационного

Более или менее правильно говорящий президент при делающем премьере — еще куда ни шло, но просто говорящий премьер — уже и вовсе карикатура ▼

проекта. Версии техничного сдерживания сверху, если не саботажа появятся сами собой — для этого специально делать уже ничего не надо.

Модернизация в материале и снизу

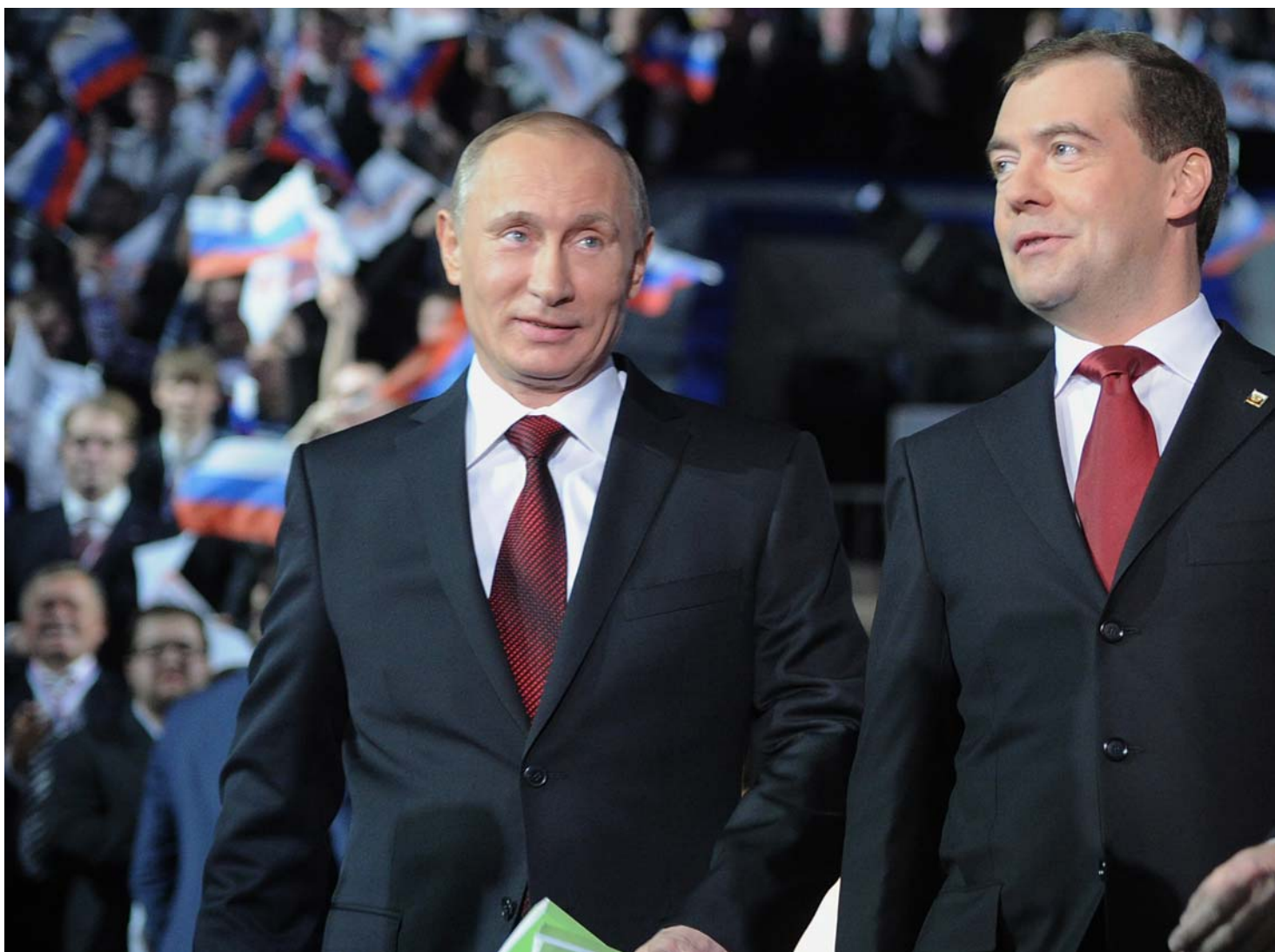
Вместе с тем, если бы удалось модернизационный посыл не только сохранить как идею, но и довести до несколько более операционального состояния, перевести его в плоскость непосредственной реализации, возникла бы целая серия новых возможностей как идеологического, так и, самое главное, практического свойства. Это можно было бы назвать модернизацией «на земле» и «снизу». При этом, возможно, произошла бы довольно существенная корректировка самой идеологии модернизации — ее стратегии и тактики воплощения, зон приоритетного внимания и приложения главных усилий. В модернизационной сфере стало бы меньше знаковых жестов, но больше низовой, регулярной работы, меньше запускаемых сверху проектов, но больше систематической работы по созданию институциональной среды и нормальных условий для *самозапуска* и *самореализации* инновационных начинаний. Это могло бы

стать значимым изменением — в известном смысле даже переворачиванием всего модернизационного проекта. В самом деле, при всей важности прочистки мозгов в плане неотвратимости вызова модернизации, необходимости глубокого и форсированного воплощения этого проекта, в итоге решающее значение будет иметь именно низовая практика. В конечном счете все будет зависеть от «массового низа», от локальных возможностей, от «мелочей», от создания условий для миллионов проектов, производств и инноваций, а не от запуска в тепличных условиях ограниченного набора символов, какими бы эффектными они ни были и каких бы локальных результатов эти начинания ни давали (хотя пока и это сомнительно).

Идея «модернизации снизу» не исключает требований к жестким и целеустремленным действиям «сверху». В любом случае в нынешней конфигурации власти, как бы к ней ни относиться, никакие массовые движения снизу, направленные на изменение институциональной среды, не смогут быть достаточно успешными без артикулированной и эффективной поддержки сверху — без регулярной и последовательной демонстрации политической воли, без нелицеприятного и публичного мониторинга промежуточных результатов, без жесткого «противодействия противодействию». В противном случае гигантская мегамашина инерции переведет всю энергию усилий по обновлению в безуспешное преодоление «трения покоя» — и этим теплом сама же еще и нагреется, как это уже не раз бывало с провалами институциональных реформ. Но вместе с тем главная назревшая новация в модернизационной стратегии остается: не столько делать инновации наверху, сколько создавать условия для их самотиражирования внизу. Не только и даже не столько поддерживать, сколько последовательно устранять сдерживающие факторы. На другом, более системном уровне это означает необходимость создания условий для запуска **модернизации снизу**. В том числе и в плане изменения самих этих условий.

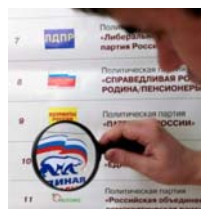
Прежде всего это требует корректировки представлений о соци-

▲ Позиции руководителя правительства дают возможность работы непосредственно «в теле» аппаратной среды, в живой институциональной ситуации, которая, собственно, преобразованию и подлежит

альной базе модернизации — о действующих лицах и исполнителях. Необходимо с самого начала выявить и организовать те социальные слои и группы, а также их организованности, которые в модернизации реально заинтересованы. Точнее, которые кровно заинтересованы в снятии барьеров на пути модернизации, на пути инновационного и диверсификационного развития. Делать это необходимо предельно критично, учитывая, что формальных «сторонников» модернизации, особенно в разного рода аппаратах, в прикормленном ими бизнесе и управляемой «общественности», куда больше, чем сторонников реальных или хотя бы не врагов. Параллельно необходимо с такой же нелюбовностью выявить и дистанцировать те слои и группировки, которые в модернизации и даже в простом изменении сложившихся отношений не заинтересованы уже в силу своих статусных и экономических позиций — по положению в системе и в окологосударственном бизнесе (например, в бизнесе на перераспределении, административных барьерах и пр.). Поэтому приходится признать, что единственный выход — это модернизация снизу, инициированная и поддержанная сверху. В «середине» между политической властью и заинтересованным обществом остается некоторая (идейно заря-

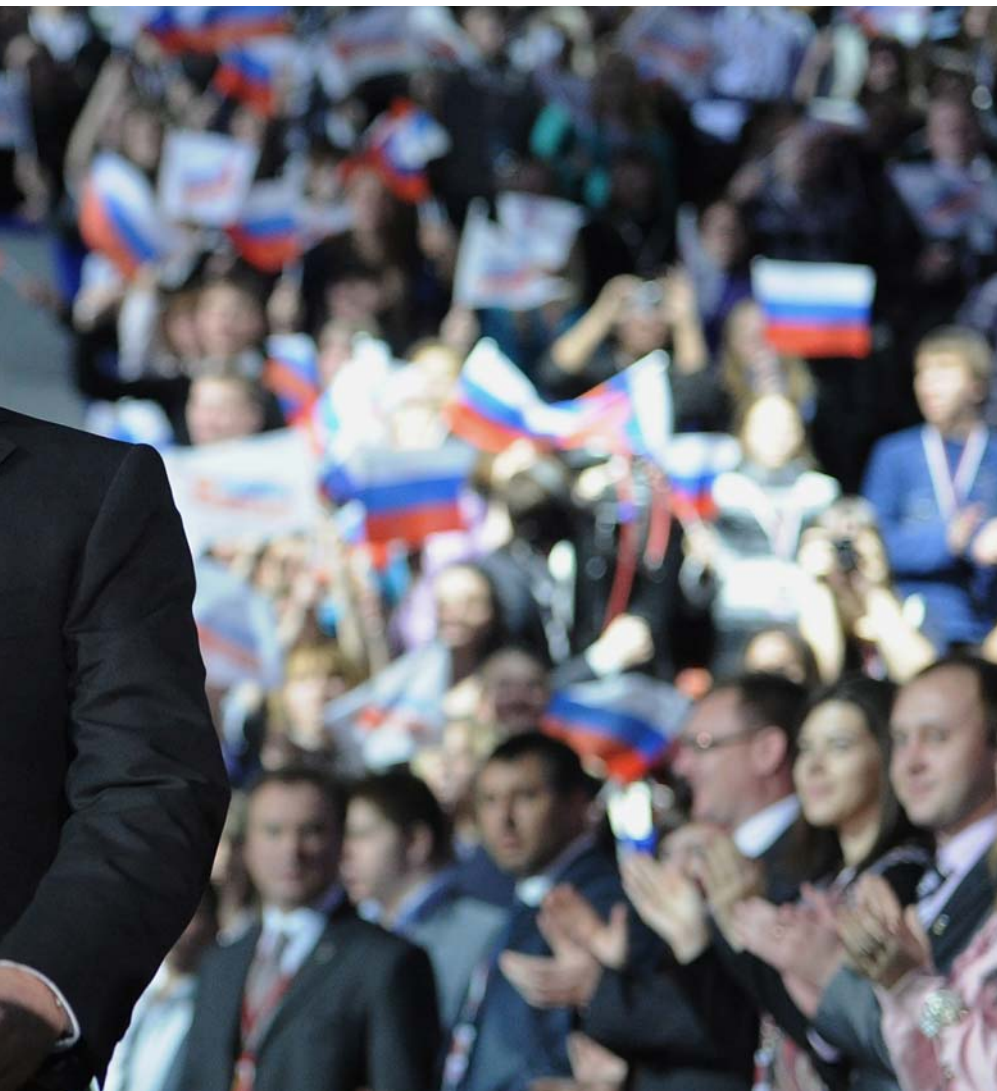
▲ Позиции руководителя правительства дают возможность работы непосредственно «в теле» аппаратной среды, в живой институциональной ситуации, которая, собственно, преобразованию и подлежит

женная или просто дисциплинированная) часть аппаратной системы, но этого явно недостаточно для противоборства с уже сорганизованной, обстрелянной и набравшей опыт «партией инерции».

Далее придется еще раз начать «изза такта», вернувшись к уже запускавшимся модернизационным проектам и предпринимавшимся усилиям — прежде всего в отношении системных, институциональных, «средовых» преобразований. Придется восстановить их идеологию и проанализировать причины неудач, тем более провалов — как техники противодействия, так и тактические ошибки самих инициаторов, реализующих инстанций. Пока в целом ряде аспектов остается впечатление, что главным инструментом институциональных реформ у нас являются... грабли.

В этом отношении рокировка и связанные с нею изменения в пози-

ции самого проекта модернизации создают ситуацию двойственную и противоречивую.

С одной стороны, даже для самых конкретных институциональных преобразований всегда лучше, когда политическая воля исходит с самого верха и когда ход реализации таких проектов оттуда же, сверху регулярно, систематически контролируется. Но в существующей модели тандема это было вряд ли возможно, поскольку при столь сильном и политически весомом премьере подобное выглядело бы вмешательством в прерогативы и бестактностью в отношении старшего товарища. Причем чем более конкретными оказались бы приложения такой политической воли и чем более адресными были бы такие контролирующие действия, тем менее приемлемым такое вмешательство выглядело бы и воспринималось.

С другой стороны, позиции руководителя правительства дают возможность работы непосредственно «в теле» аппаратной среды, в живой институциональной ситуации, которая, собственно, преобразованию и подлечит. Более того, именно здесь основная работа и проводится, основные события и развиваются. Достаточно вспомнить такие поначалу мощные институциональные начинания, как административная реформа или

реформа технического регулирования, запущенные на старте первого президентского срока Владимира Путина. Инициатива в той или иной мере, а иногда и в главном исходила из Администрации, но основную часть работы по необходимости вел правительственный аппарат (на базе ведущих министерств), пытавшийся «на паритетных началах» совместить присутствие в реформах заинтересованной общественности и ничуть не менее заинтересованных (формально и по сути) ведомств.

В любом случае дело как-то двигалось, пока «длань» политического руководства над реформами ощущалась и привлеченная общественность чувствовала себя с аппаратным сословием практически на равных. Но как только ослабевали политическая воля и контролирующее внимание, незаинтересованные в реформах группы влияния в аппаратах на этом аппаратном поле тут же начинали обыгрывать общественность, а соответственно, и сами реформы.

Новая дислокация модернизационного проекта в системе российской власти может как повторить эти ошибки, так и в хоть какой-то мере их избежать. Как уже отмечалось, некоторым потенциальным плюсом может оказаться перемещение модернизационной идеологии и символики ближе к практике реализации, к самим реформируемым институтам. Потенциальная опасность — ослабление символического и политического посыла к модернизации на высшем уровне. Если бы политический потенциал президентских и правительственных структур был реализован синхронно и по максимуму, это было бы оптимальным вариантом. Возможно ли это в принципе, мы узнаем только по ходу дела и по практическим результатам. Но если этот вариант маловероятен или невозможен, такая перспектива прояснится уже на этапе президентской кампании и параллельной подготовки программы работы будущего, нового правительства. Если новые условия модернизации хотя бы имеются в виду, об этом придется хотя бы сказать. А другого момента для таких заявлений, как перед президентскими выборами, может и не представиться. ПБ

